
В. Ю. Киселев
Горячие каштаны осени

Владимир Юрьевич Киселёв

Горячие каштаны осени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70223770
SelfPub; 2024

Аннотация

Жизнь всегда ставит нас перед выбором – и мы его делаем. Не всегда удачно, не всегда верно, но всегда сами. Или нет?! И нам ненавязчиво помогают его сделать сторонние силы? На этот и другие, не менее острые вопросы трагического времени – ищет ответы главный герой повести – Владимир. Его родные люди и близкие друзья оказались по разные стороны «правды», событий, «ценностей», линии боевых действий. Как бы по-разному не складывалась их судьба, объединяет одно – потерянность, недоверие, непонимание происходящего, бегство от себя и действительности. Книга основана на реальных событиях. Финал повествования остается за временем и читателем, за выбором каждого из нас и нет никакого сомнения в том, что сделан он будет без посторонней помощи, исключительно сердцем и мудростью народа.

Владимир Киселёв
Горячие каштаны осени

«Первой жертвой войны становится правда».
(Д.Хайрам)

Пролог

«Все в жизни так, как оно есть и никак по-другому. Небо голубое, трава зеленая; близкие люди перестают друг друга понимать, случайные – становятся родными; правда – ложью, а белое – черным. Такой вот расклад! И мне он, признаться, не совсем нравится…»

***

– Да не кричи ты так в трубку! Что случилось?!

– Я говорю, собирайте манатки и срочно уезжайте из Крыма! Слышишь меня?!

– С какого перепугу?

– Не могу тебе всего сказать, но информация верная – откуда надо. Наши в любую минуту могут пойти на Крым. С Божьей помощью, разумеется… Сам понимаешь – какой… Алло, ты меня слышишь? Володя?!

– Слышу.

– А Купянск! Ты знаешь про Купянск?! Красавчики! Ка-

кое наступление! Володя! Алло! Алло!

Володя закрыл крышку телефона. Сестра не перезвонила.

Крымская осень. По ржавым листьям каштана лениво прохаживался крупный сизый голубь. Если голуби и умеют думать, то думал он сейчас точно не о войне. И не о мире. И ни о чем таком, что может изрядно испортить очарование этого осеннего дня. С дерева упал колючий орех и спугнул голубя. Тот улетел. Солнце поджигало сусальным золотом верхушки деревьев, домов – закат. Господи, как красиво!

«Господи, почему?! Почему в этом прекрасном мире у нас не получается счастливо жить?! Как голубям…»

Володя оглянулся. Никого нет. Усмехнулся. Его бы все-равно никто не услышал – он подумал, а не сказал. «Громко» подумал…

Вспомнились улица Кирова, парк, тропа с липами и каштанами. Весной цветущие каштаны напоминали праздничные свечи на зеленых тортах. Тоннель праздничных свечей! И вспомнились друзья: Вадим, Женька, Серега… Школа в Боярке. Кое-кто из хлопчиков начали дразнить Володю москалем, но Сережа быстро им объяснил, что его друг – «правильный» москаль. Нашенский. Правда, Володе и самому было не совсем понятно, чем нашенский москаль отличается от ненашенского москаля, но раз Серега так сказал… А говорить он мог убедительно.

Еще одна картинка из прошлого. Володя – пятиклассник. Перемена. Ребятню подозвали гости школы – американские

старшеклассники. Они беспрестанно улыбались, жестикулировали руками и откровенно кривлялись перед изумленной аудиторией. Американцы начали бросать в толпу ребят жевательную резинку в яркой глянцевой упаковке. Все хотели жевательную резинку. Образовалась куча-мала. Дети подбирали жвачку, толкаясь локтями, телами, лбами…

Лицо свело болезненной гримасой, он до боли в руке стиснул деревянную перекладину скамьи. Мимо него прошли парень с девушкой. Парень оправдывался, девушка безразлично, высокомерно его «не слушала». Она наткнулась на Володин взгляд и улыбнулась ему. Красивая! И так похожа на сестру Наташу! Наташка…

Солнце почти село. Ноги отекли, спина заныла. Володя встал со скамейки и прошел под каштан. Листья под ногами приятно шуршали, прилипали к подошвам, волоклись за шагом. Возникло желание их раскидать. Еще и еще! Носок ботинка угодил в пустую погребенную под листвой бутылку. На голову упал орех. Потом второй, третий. Володя не умел улыбаться даже в детстве. Он расхохотался. До слез. Хохот перешел в сухой кашель.

– В меня попало! А я – не голубь! Я не могу улететь. Никто не может! Мы будем разгребать и разгребать… Здесь. Мы – все! Вадим, Жека, Андрей, Натаха…

Глава 1
Наташа

Наташа привыкла к восхищенным взглядам мужчин и давно научилась прятаться от них за равнодушным, непроницаемым выражением лица. Она «несла» себя недоступно, с царственной осанкой, изящным шагом от бедра, и когда ее внезапно схватили за локоть, стала смешно походить на выпавшего из гнезда птенца – растерянно и возмущенно.

– Наташка! Ты?!

– Я… Люся?!

Рыженькая, небольшого роста пухленькая однокурсница по институту Люся уже сжимала ее в объятиях, повисая на плечах.

– Натаха!!! Ты – шик! Кому скажи, что тебе за полтинник – никто не поверит! Нет-нет-нет! Никуда не отпущу! По чашечке кофе?! А помнишь коктейль наш любимый?!

– Молочный. «Мимоза».

– Точно!

Под навесом оказался свободный столик, обслуживал их здоровенный молоденький паренек в вышиванке. Коктейля молочного, конечно же, не было, ограничились стаканчиками грога и пирожным. Люся, щуря глаза, рассматривала официанта. Когда тот отошел, обиженно фыркнула.

– Какой мужик пропадает!

– Что ты имеешь в виду? – рассмеявшись, спросила Наташа.

– А то и в виду! Мой Женька тоже на побегушках – ме-

неджер по продажам. Тьфу ты, прости меня Господи! С высшим образованием и коробом талантов. А ведь как играет, как играет! На аккордеоне!

Наталья пожала плечами:

– Люсь, коробом надо знать, как пользоваться.

Люся махнула рукой:

– Ладно, ты лучше о себе расскажи! Замужем?

Зажужжал телефон на вибрации. Наташа улыбнулась и подмигнула подруге. Разговор был коротким, Наталья вздохнула и положила телефон в сумочку.

– Торопишься?

– Уже нет. О себе? А что рассказывать? Вышла замуж, двое детей – сын Данил, дочка – Настя. Муж погиб. Авария.

– Давно погиб?

– Давно.

– И ты одна? Никого не встретила? Из-за детей, да?

– При чем тут дети?! А за кого, Люсь? Вот за такую шантрапу? – Наташа перевела взгляд на официанта.

Люся разом допила свой коктейль и закурила.

– Выходит, мой Женька тоже шантрапа, да?

– Да. Настоящий мужик – это успешный мужик.

– Ты не понимаешь, Наташ! Сейчас все неправильно… Не так, как было!

– Так всегда было, Люсь. Или ты на коне, или – под конем. Почему я, баба, это понимаю, а мужики – нет!? Цуцики!

К столику подошел «цуцик» в вышиванке.

– Повторить? Что-нибудь желаете, дамы?

– Дамы желают их не беспокоить, – с улыбкой проворковала Наташа.

Официант отошел, Люся шмыгнула носом и приложила кулачок к щеке, сгоняя непрошеную слезу.

– Нет, ты не права. Мой Женька просто порядочный, застенчивый… Понимаешь? Не умеет он локтями, зубами…

Наташа накрыла ладонью руку подруги.

– Ну что ты? Люся… Кто же спорит? Хочешь посмеяться? У меня Андрей такой же!

– Андрей?

– Угу. Человек, которым я очень и очень увлечена. А может, и люблю. У него свой бизнес и все-такое. Только вот хиреет его бизнес – зубами не умеет, – заключила Наталья, безрадостно хихикнув.

Люся тоже заулыбалась, но смотрела мимо Натальи.

– Ой, какая прелесть!

Наталья повернулась. Рядом, за ее спиной, стоял неопрятный мужик с лицом ребенка, беззубой улыбкой и маленькой белой собачкой на руках. Собачка была в шлейке и почему-то в шапочке.

– Чихуаша! У меня тоже была такая кроха. И как ее зовут? – спросила Люся у хозяина собаки.

Мужик стал гладить собачку, качать, прижимать к груди.

– Мамо! Мамо! Кушать!

Он показал грязным пальцем в сторону недоеденного На-

тальей кусочка пирожного. Из кафе выскочил «цуцик» и замахал на него полотенцем.

– Пошел, пошел отсюда, Микола! Позже приходи!

Микола закрыл рукой собачку и, кивая головой, стал пятиться назад. Люся подошла к нему и протянула деньги. Микола схватил купюру и спешно исчез за углом кафе. Наталья вопросительно посмотрела на официанта. Тот пожал плечами:

– Бомж. С неделю, как на районе ошивается. Говорят, воевал. «Крыша» поехала. Извините.

Настроение испортилось. Наташа уже успела привыкнуть к безмятежной и тихой Вене, к предсказуемости дня, к своему уютному обретенному миру, где нет войны, разгуливающих по городу сумасшедших и даже случайных встреч с однокурсницами. Почувствовав неожиданную усталость, она вспомнила о Григории и их приятном свидании в парке перед отъездом из Австрии. А Андрей?

***

В голове крутился вальс Штрауса «Сказки Венского леса». Аллея парка Пратер была высажена каштанами и напоминала родной уголок Киева. Гоша заботливо раскрыл над Наташей зонтик.

– Зачем? Разве это дождь?

– Незначительные, но осадки. Я обещал показать тебе Вену. Пошли?

Колесо обозрения двигалось медленно, но город с высоты птичьего полета она так и не увидела. Григорий целовал ее руки, высокий лоб, шею, губы… Приятно, но не более того. Она думала об Андрее. Он не звонил уже больше месяца. Наташа отстранилась от своего кавалера и внимательно посмотрела на него.

– Что, не брит? Прости, не успел. К тебе торопился.

Григорий Остапенко обосновался в Вене довольно давно. У него здесь был успешный бизнес, связи, дом и масса друзей. Вот через друзей они и познакомились. Ухаживал Гоша красиво и вообще представлял из себя именно тот тип мужчин, который Наталье нравился: сильный, умный, уверенный в себе… Нет, скорее наглый. Странно, но в мужской наглости есть что-то такое, что привлекает женщин. Возможно, в ней, в наглости, они чувствуют первобытную силу самца или свою не менее первобытную слабость. Только сейчас Наташа поняла, что постоянно сравнивает Гошу с Андреем, причем не в пользу последнего.

– Напротив, тебе идет небритость. Ты обещал показать мне город.

– А ты обещала рассказать о себе. Например, чем ты занималась в Киеве?

– Давай договоримся. Мой рассказ займет не больше времени, чем оборот колеса. Остальное потом, потом, потом…

Гоша обнял ее за плечи и повернул голову в сторону розовеющего заката.

– То, что я – врач, ты уже знаешь. В Киеве работала в иностранной компании. Они разрабатывали новый препарат для онкологических больных. Моя задача состояла в составлении договоров с больницами, получении статистических данных по результатам действия препарата и так далее.

– Наташ, ты страшный человек!

– Почему?

Григорий расхохотался.

– Новые препараты всегда рискуют стать старым средством от жизни.

– Типун тебе на язык! Все медицинские препараты проходят апробацию на больных. Какие-то скрыто, какие-то – на добровольцах.

– Все! Молчу-молчу! А дети?

– Дочка со мной. Как только «русня» покатилась на танках, мы с ней через Польшу сначала в Германию, потом сюда. Сын призывного возраста, поэтому остался там. С ума по нему схожу! Гоша, мне нужно в Киев.

– Только к сыну?

– Не думаешь же ты, что до встречи с тобой у меня никого не было!?

– А теперь?

– Не знаю. Мне нужно в Киев.

Колесо остановилось. Гоша помог Наталье спуститься на площадку. Солнце село, зажглись фонари, включилась иллюминация, а Наталье в этой карамельной идиллии поче-

му-то вспомнился страх, пережитый перед бегством сюда: многоэтажный дом в их квартале, разрушенный ракетой, вой сигнализации машин, дрожание стекол, леденящие ощущения в груди. Она сильно сжала руку Гоши:

– Мне так спокойно с тобой…

Глава 2
Андрей

Бывают дни, когда с самого утра не отпускают дурные предчувствия. И именно в такие дни перебегает дорогу черная кошка, встречается бабка с пустым ведром, бьется любимая чайная чашка, убегает кофе из турки, забываешь ключи от квартиры… Да все что угодно! В конце концов сам начинаешь ждать и гадать – откуда принесет?

Андрей засмотрелся на девушку за окном. Она подходила к перекрестку на другой стороне улицы от его офиса. Молоденькая хорошенькая брюнетка. Давно он не видел такой походки – летящей, едва касающейся твердой поверхности «объективной реальности». Девушка летела и щебетала по телефону, держа его на вытянутой руке перед собой. Время вдруг стало ощутимо вязкой массой, останавливая секундные стрелки часов, уличный шум, биение сердца. Загорелся желтый свет светофора. Пассажирский автобус решил пропустить девушку. Андрей знал, что произойдет дальше – хорошенькой брюнетки, которая умеет летать, вот-вот не ста-

нет. По дороге несся шевроле, идущий на обгон автобуса. Он закрыл глаза. В дверь постучали. И еще раз. Где она? Поток машин стоял опять на красном светофоре. По пешеходному переходу, вместе со всеми, летела брюнетка с телефоном. Андрей выдохнул. Не все, что должно произойти, происходит, и не все, что происходит, должно произойти. Надо это запомнить…

– Кто?!

В кабинет вошел Руслан. Андрей не сразу его узнал. В камуфляже, с короткой стрижкой парень теперь выглядел лет на десять старше.

– Попрощаться зашел.

Андрей кивнул головой в сторону кресла. Руслан провел рукой по голове, улыбнулся и сел.

– Ничего не буду говорить, Руслан. Просто пожелаю удачи.

– Спасибо. Если что… Возьмете меня обратно на работу?

– Похоже на то, что обратно будет некуда. Аренда офиса закончилась. Все, Руслан. Сам ищу работу.

– В таком случае и вам удачи.

Руслан поднялся с кресла, протягивая Андрею руку. Тот ее крепко пожал, но не отпустил.

– Зачем?

Руслан пожал плечами и отнял руку.

– Брата убили. В Купянске. Ненавижу. Он был простым учителем. За что?!

Андрей попытался возразить, но наткнулся на взгляд Руслана, полный боли и гнева. Молча кивнув, проводил его до двери. На часах было только четыре вечера, в семь – встреча с Наташей. Андрей обвел взглядом офис, где он увлеченно начинал свое любимое и успешное дело. Завтра или через неделю его кабинет займут другие люди – поставят новую мебель, заменят жалюзи, повесят на дверь другую табличку. Андрея не отпускало ощущение, что его заживо похоронили. Этот кабинет был не просто кабинетом, это было его место в жизни. Финита ля комедия! Узнай тот же Руслан, что бывший шеф подрабатывает по вечерам грузчиком, не поверил бы. А он и сам в это не верил. С его двумя высшими образованиями, амбициями и опытом выполнять работу вьючного скота не вызывало оптимизма – сюрреализм с когнитивным диссонансом в одном флаконе. Руслан, мальчишка, куда достойнее смотрится на фоне бледных украинских декораций. Почему бы и нет? Андрей представил себя в военной форме и усмехнулся – солидно! И по деньгам, кстати, тоже. Все лучше, чем мешки с картошкой таскать. Он достал из портмоне визитку и набрал номер. Ответили сразу.

– Робин, я согласен. Что надо делать?

***

На часах было восемь вечера. Андрей допил остатки коньяка и бросил бутылку на пол. Бутылка не разбилась – покатилась по паркету, издавая холодный дребезжащий звук.

За окном стемнело. На телефоне два пропущенных звонка от Наташи. Идти или не идти? В дверь кабинета опять просунулась голова уборщицы. Андрей показал ей пятерню.

– Баб Насть, пять минут!

Дверь захлопнулась. Андрей подошел к бутылке, сел рядом.

– Ладно. Я понял уже, понял! Не мне сегодня решать.

Он крутанул пальцами стеклянную тару и завороженно смотрел на ее вращение. Бутылка остановилась. Маленькое горлышко смотрело на него.

– Так значит… Ну ладно… Жребий брошен! Воевать – так воевать.

***

Она его ждала. Стол был красиво сервирован, горела свеча, в миниатюрной вазочке алели три розы. Они стояли друг против друга. Наташа с иронией разглядывала «растрепанное» состояние Андрея, он – любимые и родные черты ее лица.

– Ты уверен, что шел на свидание ко мне? – спросила она.

Андрей отрицательно мотнул головой.

– Я теперь ни в чем не уверен.

В комнате потянуло запахом пригоревшего пирога. Наталья поспешила на кухню. Андрей бухнулся на диван. По телевизору шло ток-шоу: боец ВСУ рассказывал о своем тяжелом ранении, о погибших побратимах. На экране мелькали

кадры изуродованных тел, кладбище, с выросшим над ним лесом желто-блакитных знамен, окопы, грязь. Андрей представил себя убитым – с открытым ртом, полузакрытыми глазами, с неловко вывернутой рукой, со спущенными брюками и оголенным торсом… Отчего всегда у погибших спущены брюки и оголены животы? Видимо, их осматривают, ворочают… Андрея замутило. Он налил в бокал апельсинового сока из графина и выпил его залпом.

«Все правильно. Что я могу ей дать? На одних весах: холеная Европа, благополучие, мужик с щедрым кошельком, уютный домик, бассейн; на других – война, проблемы и неудачник под боком. Если любишь – отпусти. Если любишь… А если любит она? Останется? Нет, не останется. Андрей, ты пьян! Это жизнь, а не кино. Но ведь иногда бывает вопреки! И девчонку не переехало шевроле… Если любит, если любит… То…»

На экране показывали теперь кадры из Донецка. Убитый ребенок на футбольном поле, тракторист, застреленный снайпером. Убитые здесь, убитые там.

– «Ответочки» оркам летят!

Андрей вздрогнул. Он не слышал, как Наташа вошла в комнату.

– Наталь… Гибнут простые люди. Такие же, как мы.

– Нет! Не такие же! Как ты можешь так говорить?! Из-за них, все из-за них! Не было бы никакой войны!

Наталья схватилась пальцами за виски.

– Не хочу об этом говорить. Почему ты задержался? Андрей, посмотри на меня!

Андрей попытался встать, но задев коленом край столика, потерял равновесие и опустился вновь на диван. Опрокинулись графин, бокалы, вазочка с розами, свеча. Он накрыл ладонью ее угасающее пламя. Наташа вздохнула.

– Пирог сгорел. Давай ложиться спать.

***

Весна в Киеве начинается с цветения вишни и яблонь. Когда еще был жив муж, они любили с ним прогуливаться до Покровского женского монастыря и обратно. Пожалуй, сад Эдема так и выглядит – сказочное царство белых целомудренных деревьев!

О встрече договорились на площади Ивана Франко. Наталья любовалась сакурой и разговаривала по телефону с деверем.

– Я понимаю, но неужели ничего нельзя сделать, Коля?! У него же отвод есть, и вообще!.. Да, хорошо. Удачи тебе, Коля…

Подошел Андрей, поцеловал ее в щеку.

– Что-то случилось?

Наташа уткнулась лицом в его грудь.

– Его самого мобилизовали.

– Николая? А Данил? Что теперь Данил?

– Проводи меня домой.

Шли молча. На улице было немноголюдно. Навстречу продефилировал тощий мужик в туфлях на высокой шпильке, в коротком розовом плаще и черных колготках в сеточку. Наташа поймала себя на мысли, что эта особь привлекает внимание далеко не экстравагантным видом, а скорее демонстрацией вызывающего, не как у всех, «счастья» – красные губы раздаривали прохожим пошлые улыбки и воздушные поцелуи. В стеклянной витрине магазина Наташа увидела их с Андреем отражения: две понурые лошади. Она тут же подняла голову и расправила плечи.

– Мне тоже сделали интересное предложение, – нарушил молчание Андрей.

– Какое? – безразлично спросила Наташа.

– Такое же, как и всем. Поможешь с анкетой – она на английском заполняется.

Наташа резко остановилась.

– А знаешь что?! Пусть все катится к чертям собачьим! Хочу белого вина, кусочек осетрины и тебя!

Андрей усмехнулся.

– Из всего перечисленного могу угостить только собой. Обули меня, Натаха, по полной. У меня теперь один выход – на передовую.

– Ничего. Сегодня угощаю я.

Андрей неожиданно схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Убьют – слезинку выронишь?!

Наталья зло посмотрела в глаза Андрею. Сейчас она его ненавидела – он ждал от нее жалости, а не любви. Испугавшись, что он заметит ее раздражение, Наташа улыбнулась и сделала попытку пошутить.

– Ерунда! Освободи Украину для любимой женщины, герой! Она хочет сюда вернуться!

Андрей отпустил ее. Он понял: под колесами шевроле оказался он. Наташа тонкими пальчиками поправила воротник его ветровки.

– Забыла тебе сказать: завтра я возвращаюсь в Вену.

Глава 3
Володя

Небо к ночи прояснилось. Володя вышел на балкон, отыскал любимую звезду – она всегда мерцала розовым светом. Одна из многих, скорее без имени и номера, сама по себе… В бездне. Знакомое ощущение одиночества. Иной раз оно, одиночество, бывает желанным, как глоток воздуха, в другой раз – вот таким вот тоскливым, бывает – тягостным и непосильным. А еще есть предательское… Как тогда, в детстве.

***

– У Валерки отец в тюрьме сидит. А баба Галя пуще овчарки!

– И что?

– «Западенец» он – вот что!

– Ну и что?

– Этот сквер – чужая территория, – терпеливо объяснил Вадим другу.

Ватага ребят сидела на лавочке и поедала черешню. Руки быстро стали грязными и липкими от сладости. Володя вертел головой, выискивая любой источник воды. Вадим показал пальцем на колонку неподалеку от жилого дома.

– Валеркин дом.

– Да говорю же вам! Сам видел – он к озеру шел. Нет его дома! – прошамкал Пашка с полным ягодами ртом.

– Да-а-а… Я из лесу вышел – и снова зашел… – почти пропел Вадим, слегка наступив на босую ногу Пашки.

Пашка, а за ним и остальные повернули головы в сторону, куда смотрел Вадим. Неспешно, щурясь на солнце, к ним направлялся Валерка. Один.

– Вадим, и что? Он же один! – недоуменно воскликнул Володя.

Вадим дернул плечом. Между тем Валера подошел в плотную к Юрке, который сидел на самом краю скамьи. Володя от неожиданности вздрогнул.

«Западанец» ударил Юрку по щеке. Потом «раздал леща» остальным: Коле, Пашке, Вадиму… Вадиму! Дошла очередь до Володи.

– О! И москаль тут! Тебе от самого что ни на есть сердца!

Голова дернулась назад, из носа потекла горячая струйка крови. Володя вложил в свой удар всю свою силу. Валерка ошалело посмотрел на него, потом на ребят.

– Да вы чего?! – заорал он, сплевывая слюну.

Валерка сбил Володю с ног. Бил долго. Лицо в крови, белые шорты – в зеленке травы.

Никто из ребят не встал на его защиту. Он почувствовал себя преданным, одиноким и маленьким-маленьким… Против всего мира. Тогда он еще не знал, что таковы были правила – на чужой территории нельзя отвечать.

… Шло время. Территорией, на которой нельзя отвечать, становилась вся Украина. Таковы были правила.

***

Володе никак не удавалось заснуть. Все чаще вспоминалось детство. Валерка стал первым «западенцем» на его памяти. Если бы Вадим тогда поддержал его, если бы ребята не дали себя в обиду, если бы… Если бы да кабы! Было бы все по-другому… Он перевернулся на другой бок и поглубже зарылся в одеяло.

– А все-таки я ему врезал!

Глава 4
Олесь идет на войну…

Олесь в который раз за день представил свое возвращение с фронта и встречу с Настей. Вот он лежит с ранением

в госпитале, открывает глаза и видит заплаканную Ее… Настя улыбается и говорит: «Я тебя больше никуда не отпущу». Нет, не так. Он нажимает на кнопку звонка двери квартиры, дверь открывает ее мама – Наташа. «А Насти нет дома, но вы проходите. Она сейчас придет». Олесь будет долго рассказывать Настиному брату Данилу о своих подвигах, а потом в комнату влетает Настя и… Не годится. Лучше просто дождаться ее во дворе дома и, когда она будет подходить к своему подъезду, неожиданно появиться перед ней в наградах, с рюкзаком «зеленых» и славой.

… Их было семеро. Олесь толком не разобрался, что входит в задачу разведки, но пока было все предельно ясно: выйти на точку, дождаться проводника и добраться до места, где окопался расчет.

Расположение духа было боевое. Наконец-то он пройдет крещение войной. Мандраж, конечно, брал, но, как ему объяснили опытные бойцы, со временем «стерпится-слюбится». Три дня, проведенные на пункте сбора, показались Олесю вечностью. Они практически ничего не делали: делились между собой последними новостями, уплотняли свой скарб, сравнивали качество спальников, заряжали телефоны, пару раз выпустили из автоматов по два-три патрона одиночными, строились-расходились. Потом их отвезли в расположение роты. Олесь не один раз мысленно благодарил Настю за снаряжение. Без ее помощи лежать бы ему сейчас на весенней сырой земле и зубами цокать. Как все глупо у них полу-

чилось! Какая измена, что за чушь?! Он даже не помнит имени той, что проснулась рядом после той сумасшедшей тусовки. Олесь не сомневался – Настя верит ему, просто решила устроить сцену ревности. А зачем, вопрос десятый. После разберутся, после. А пока…

Вот оно – началось! Его первый выход на передовую. Их было семеро. Вязкая грязь после проливного дождя и темень пасмурной ночи не обещали приятной прогулки. И опять он с благодарным чувством вспомнил о Насте – легкие ботинки на пенке берегли его ноги от черной чавкающей жижи размокшей земли. Передвигались медленно, ориентируясь на просеку и опоры линии электропередачи. К рассвету добрались до нужного места – бетонное кольцо для колодца на незаметной тропинке, убегающей в рощу. Проводника еще не было. Решили перекусить. Устроились кто где: Олесь и худой рыжий хлопец присели на небольшое поваленное дерево. Паренек протянул руку.

– Петро. Назаренко. Бывший учитель биологии.

– Олесь. Бывший студент. Архитектурный.

Петро угостил Олеся шоколадным батончиком.

– Самое то сейчас.

Из рощи послышались редкие птичьи голоса. Небольшой туман низко стелился над полем, что начиналось сразу за просекой.

– Хорошо… – протянул Петро.

– Ага. А мы типа в туристическом походе, – усмехнулся

Олесь.

– Олесь, ты это… Не обижайся. Спросить хочу, – неуверенно, с паузами проговорил Петро.

Олесь достал из рюкзака узкую тетрадь и пачку печенья. Пачку вскрыл и положил на дерево.

– Угощайся. Вкусное и тоже – самое то! – подбодрил бывшего учителя Олесь.

– Да, спасибо. Вот скажи: ты человека готов убить?

– Человека – нет. Русню – да.

– Угу. А я, понимаешь ли, из тех, кто букашку обидеть не может даже для науки.

– А зачем пошел? Да еще добровольцем? – искренне удивился Олесь.

Петро поежился. То ли от утренней прохлады, то ли от вопроса.

– Не, не подумай! Не из-за денег. Хочу, чтоб убили.

Тишину нарушили взрывы. Стреляли недолго, минут пять-десять. И опять наступила тишина. Олесь вглядывался в светлеющую рощу. Никого и ничего. Только птицы перестали щебетать. Неприятный холодок пробежался по спине. Пустяки, это же пройдет.

– Петро, чтоб убили? А что так?! – нарочито шутливо спросил Олесь.

– А то так! Незачем мне она – жизнь.

Петро полез в нагрудный карман куртки, достал конверт и фотографию маленькой девочки.

– Глянь, дочка моя. Не могу без нее. Отправил я их, жену с Полинкой, в Европу войну пересидеть, – Петро сжал в руке довольно потрепанный конверт и положил обратно в карман. – Вот написала. Звонить побоялась. Ты, говорит, Петро, прости меня. Влюбилась по-настоящему, а ты другую найдешь.

Петро нежно посмотрел на фотографию, погладил ее.

– В школе тоже тошно: учителя кляузничают друг на дружку, доносят, ерничают. В учебники – без слез не взглянешь. Зарплата – кот наплакал, не проживешь. Все деньги на лекарства для мамо уходили. Ну, думаю, пойду – убьют так убьют, хоть мамо без лекарств не останется, не убьют – покопчу еще свет белый.

Олесь вздохнул, похлопал Петро по плечу. К полудню распогодилось, серая мга расползалась, обнажая лоскутки голубого неба. Некоторые бойцы спали. Ихний старший, штабсержант Василь, то и дело прикладывался к биноклю.

– Все наладится, Петро. Вот вышибем русню – заживем! У нас тут своя «Европа» будет. Разве ж украинка с бюргером уживется?! Не поверю! Увидишь дочку свою, помяни мое слово!

– Добрый ты, Олесь, – сказал, грустно улыбнувшись, Петро.

– Да, с недостатками, как говорит моя невеста Настя. Письмо ей хочу написать. Коротенечко.

– А позвонить не лучше?

– Не. По телефону не все говорится. В ссоре мы с ней, Петро.

– А-а-а… Ну, пиши-пиши…

Письмо дописать Олесь не успел – пришел, наконец, проводник. Штаб-сержант с ним обменялся знанием русского «матерного» и, недолго споря, дал команду выдвигаться. Пошли через рощу, где пробежками, где шагом. За рощей начинались насыпь и мелиорационная траншея. Позиции противника находились слева, за насыпью их цепь не должны были заметить. Проводник предупредил, что метров через двести-триста придут на место. Ребята повеселели, ускорили движение. Опять послышалась пальба. Проводник поднял руку, группа замерла. Олесь находился за его спиной, поэтому слышал их негромкий разговор с Василем.

– Переждем? – спросил штаб-сержант.

– Хрень какая-то… Откуда летит – лететь не должно. По нашим бьют.

– А кто там?

– Бандерлоги наши – «Азов»*.

– Горилки упились, что ли?!

– Тю, Василь! С горилки поют, а эти лютуют. Разницу чуешь? Ладно, пошли. Может, и не по нашим прилетело.

Прилетело «по нашим». Отряда не было. Кто стонал, кто молчал. От прелой земли поднимался еле заметный дымок, посеченные осколками деревца скудно накрывали собой обезображенные человеческие тела. Олесь не верил гла-

зам. Учителя стошнило. Штаб-сержант с проводником рассматривали застрявший в бревне бывшего укрытия осколок от американского снаряда.

– Знаю такие. Из САУ М-109 стреляли. Точно бандерлоги. Прихватим, как доказательство.

Сверху послышался странный звук.

– Птичка! Кидайся на землю! – крикнул проводник.

Он и Василь «кинуться» не успели – раздался взрыв. Бойцы побежали к траншее. Олесь схватил Петро за рукав куртки и потянул за собой.

** Запрещенная в России террористическая организация.*

– Не туда!

Бежали они, пока не выдохлись. Петро заметил среди тонких, невысоких деревьев неглубокий, вымытый дождями, овражек. А дальше, за деревьями, начиналось открытое поле. Залегли.

– Почему сюда? Надо было с ребятами – назад! – спросил Петро, еле переводя дыхание.

– Василь говорил, без проводника – хана. Роща и поле заминированы. И потом… Думаю, их там встретят. Зачем им оставлять свидетелей?

Петро снял свои тяжелые ботинки, ноги были мокрые. Переодев носки, надел снова и чертыхнулся.

– Предлагал сосед научить портянки мотать… Натер уже.

Олесь, ты что-нибудь понимаешь?

Олесь покачал головой. Петро приподнялся и стал осматривать поле. За ним виднелась такая же лесополоса, по которой они брели ночью, но была она намного длиннее и шире. Причем, упиралась в насыпь дороги.

– Надо до дороги добраться, – уверенно сказал он.

– Через поле? А если и оно заминировано? – засомневался Олесь и тоже встал посмотреть на окрестность. – Выхода нет. Надо рискнуть.

Рюкзаки были тяжелыми, земля – месиво, но бежали споро до середины поля. Петро и Олесь одновременно оглянулись на далекий рев двигателя. Вдоль поля со стороны рощи двигалась машина, похожая на БМП.

– Суки! Нашли! Петро, быстрее!

Стреляли очередями. Олесь почувствовал, как чиркнуло по плечу. Во рту пересохло, закололо в груди. Краем глаза он увидел, что Петро упал. Низко над полем пролетел вертолет. Впереди темнела яма. Олесь не добежал.

***

Приснилась вода. Бабушкин двор в селе, куры ходят, а дед смеется и протягивает ему в большой алюминиевой кружке воды.

– Деда, ты же умер! – удивляется маленький Олесь.

– Ты пей-пей… Пить же хотел.

Олесь взял кружку и отбросил ее – раскаленный металл

обжег пальцы.

– Больно же, деда!

– Хорошо, все хорошо, Олесь! – донесся издалека чей-то голос.

Олесь открыл глаза. Петро держал перед лицом фляжку.

– Попей, Олесь. Пить же хотел. Ничего, пустяки. До свадьбы с твоей Настей заживет.

Олесь все вспомнил. Поле, яма, Петро рядом бежит.

– Давай-ка, вот… Подкрепись!

Петро помог Олесю сесть и положил ему на ноги открытую банку тушенки, галеты и шоколад. Олесь шевельнул рукой и почувствовал резкую боль.

– Ерунда, только шкурку попортило, – сказал незнакомый голос.

Олесь повернул голову. Слева от него сидел мужик в камуфляже. На рукаве его куртки красовался ненавистный шеврон.

– Да не пялься ты на меня, как баран на новые ворота! Не укушу.

– Олесь, если бы не Сашок – кранты нам! – поспешил вставить Петро, подавая ему ложку. – Ешь, давай!

Сашок поглаживал «трубу» своего гранатомета.

– Если бы не эта «красава», нам бы всем были кранты, – ласково произнес русский.

Олесь вопросительно смотрел на Петро.

– Ладно-ладно! Но с одним уговором – я тебе рассказы-

ваю, а ты – лопаешь. Короче…

– Сначала я, Петро. Мы сопровождали «гуманитарку» на БТР и заодно ехали на подкрепление взвода. Всего – две машины вместе с нашей. Вторая – автобус. Утром, темно еще было. Надеялись проскочить. Расстреляли конкретно так…

– Помнишь, Олесь, утренние взрывы? По ним пуляли! – встрял Петро.

–Собственно, все. Мне просто повезло, остальные – двухсотые, – заключил Сашок.

– Ага, теперь я. Эту «дуру», что за нами гналась, Сашок из этой штуки подбил. Тебя в яму сволок. Я сам дополз.

– А вертолет? Я помню вертолет… – спросил Олесь.

Сашок цыкнул языком:

– До темноты ждем и будем убираться отсюда. Этот вертолет мне совсем не понравился. Точно, не наш.

На краю ямы появилась ворона. Пригнув голову, она внимательно разглядывала бойцов одним немигающим глазом. Сашок бросил в нее пустую жестяную банку. Птица каркнула и улетела. Олесь попросил Петро достать из рюкзака тетрадь. Левой рукой писать было непривычно, буквы получались кривые и крупные.

Сверху послышалось тревожное жужжание. Сашок напрягся, подтянул к себе «красаву», Петро вжался в пологий край земли. Раздался взрыв.

Когда Петро пришел в себя уже стемнело. Он с трудом свалил с себя тело Сашки. Дышать стало легче. Петро попы-

тался встать и опять потерял сознание.

Солнце по-весеннему пригревало поле, дотянулись его лучи и до лежащего в воронке Петра. Не открывая глаз, Назаренко мучительно вспоминал о себе: кто он, где он, что надо делать и почему здесь лежит. Он начал лихорадочно проверять свои карманы. Помимо расчески и фонарика обнаружилось письмо и фотография маленькой девочки. На конверте в два ряда красивые марки, отправитель из Германии. Из письма он ничего не понял, кроме одного: какому-то Петро дали отставку. Напротив него лежала рука с сжатым кулаком, из которого виднелся опаленный край листа бумаги, чуть дальше – изуродованное тело. На него было неприятно смотреть, как и на груду, что лежала рядом. Он заметил зацепившийся за большие корни растерзанный рюкзак. Открыв его, нашел кое-что из уцелевшего: свитер, лекарства, еду, спальник, но что-либо прояснить эти вещи не помогли. Его взгляд то и дело возвращался к листку в руке. Неизвестно почему, но он ему казался очень важным. Петро решился. Стараясь не смотреть выше, он попытался разжать кулак. Никак. Листок с обратной стороны выступал, были заметны верхние строки. Петро отогнул верхний край: «Дорогая Настя…» Письмо! И тут письмо. На этот раз у него получилось разжать пальцы и вытянуть лист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.